

Художественный стиль в истории украинского литературного языка

ГАЛИНА М. СЮТА
(Киев)

Общеизвестно, что литературный язык не тождествен языку художественной литературы. Несмотря на целый ряд интеграционных признаков, объединяющих, взаимосвязывающих эти феномены, дающих основания утверждать, что поэтический язык – один из определяющих компонентов национальной языковой культуры, основа формирования литературного языка, ставить знак равенства между ними – методологически неправильно. В то же время нетождественность этих понятий не предопределяет их взаимоотрицания, а наоборот, предусматривает обязательные точки пересечения на определенном хронологическом отрезке развития литературного языка.

Различая *литературный язык* и *язык художественной литературы* (согласно другим определениям – *поэтический язык*, *язык художественного стиля*, *язык художественно-беллетристического стиля*), необходимо учитывать два аспекта – типологический и исторический. Типологически это понятия гетерогенные – они имеют различные сферы распространения и неодинаковые функции. В отличие от языка литературного, поэтический язык «преследует не только коммуникативные, но и эстетические цели. Он широко использует разные стили. В этом отношении представляет собой более свободную систему, чем язык литературный» (Будагов 1967: 190). Впоследствии именно политематичность, поливекторность художественного стиля, его способность интенсивно адаптировать, осваивать, эстетизировать единицы других сфер функционирования языка будет интер-

претирована как дифференциальный признак оппозиции *литературный язык – поэтический язык*. Ср.: «Уже то очевидное положение, что язык художественной литературы не только опирается на все стили, но и широко использует просторечие и диалектные элементы, отличает его от литературного языка» (Будагов 1967: 44). Кроме того, одна из функций поэтического языка как функциональной разновидности языка литературного – эстетическое воздействие на сознание (О. Потебня, В. Виноградов, Г. Винокур, С. Ермоленко, Л. Ставицкая, Л. Пустовит и др.).

С исторической точки зрения *поэтический язык* воспринимается как источник формирования и критерий становления литературного языка и литературной нормы (Р. Будагов, Г. Винокур, В. Русановский, Н. Пилинский), а «художественные тексты признаются одним из важнейших критериев становления литературной нормы» (Ермоленко 2007а: 3), инструментом формирования языково-эстетических вкусов социума. В современной теории литературного языка это положение об истоках литературного языка остается аксиоматичным. Однако, с течением времени статус функциональных стилей меняется, происходит размывание их сформировавшейся системы, изменяется иерархия: публицистический стиль вытесняет на периферию художественный, поскольку является более политематическим, мобильным, восприимчивым к изменениям языкового сознания социума, а поэтому интенсивнее воздействующим на процессы закрепления (или наоборот – расшатывания) норм литературного языка.

Важнейшим аспектом в осмыслении корреляции *литературный язык – язык художественной литературы*, в определении роли художественного стиля как продуктивной основы формирования национального литературного языка является акцентирование тех интра- и экстралингвальных факторов, которые воздействуют на соответствующие процессы, стимулируют, интенсифицируют или замедляют их. Ведь известно, что именно в художественном стиле как сфере создания художественно-эстетических ценностей каждого народа язык стал выразителем национального сознания, этномаркированного мировосприятия. Другими словами, художественный стиль являлся сферой, в полной мере реализовавшей сущность языка как духовного кода нации, аккумулятора его исторического опыта (Ермоленко 2007: 50).

Ярким примером этого тезиса является творчество Тараса Шевченко – именно с ним связано осознание украинским народом *языка как орудия*

создания культуры, высвобождения этнического сознания: «Авторитет слова Шевченко был высоким не только благодаря его политической весомости, но еще и потому, что, лишенный права на собственную историю и национальное сознание, украинский народ воспринимал произведения своего поэта не только как литературу, но и как фактор развития всей культурной жизни в Украине» (Русанівський 2002: 236).

Влияние художественного стиля на становление и развитие украинского литературного языка не уникально. Подобное было характерно для французского, итальянского, испанского и др. литературных языков. Р. Будагов убедительно иллюстрирует эту закономерность на примере роли языкотворчества Рабле и Расина для становления французского литературного языка, Сервантеса и Лопе де Вега – для испанского литературного языка, М. Гоголя, В. Короленко, Льва Толстого – для русского литературного языка (Будагов 1967: 57–58). Неоспоримым является также значение языкотворчества Адама Мицкевича для выявления национальной идентичности в польской словесности, для становления польского литературного языка.

Влияние языка художественной литературы на динамизацию украинского литературного языка заметно на всех хронологических этапах его развития, в частности, неоспоримым является ощутимость влияния постмодерной литературы на утверждение/расшатывание литературного стандарта на синхроническом его этапе (С. Ермоленко, Л. Ставицкая, Е. Маленко, Г. Сюта, И. Дегтярева, Т. Ещенко и др.).

Размышления о значении художественного стиля для развития литературного языка тесно связаны с осмыслением роли индивидуальной языковой практики писателей. Ведь «проблема творчества писателя как критерия литературной нормы является составляющей частью более широкой проблемы – значения художественных произведений для развития литературного языка» (Пилинський 1976: 107).

Тезис о влиянии писателей на формирование литературного языка, укрепление его норм составляет основу исторической и лингвопоэтической концепции Р. Будагова: «В эпоху расцвета художественной литературы лучшие ее образцы «работали на теорию», помогали ей сформулировать «требования» к литературному языку» (Будагов 1967: 55). Осмысливая это утверждение, снова апеллируем к языкотворческой личности Тараса Шевченко: «Опираясь на художественно-беллетристический стиль – един-

ственный из функциональных стилей, который [...] уже в творчестве Т. Г. Шевченко достиг невиданного подъема, украинский язык постепенно, но на удивление быстро, шел по пути выработки и утверждения своих лексических, словообразовательных, синтаксических и других литературных норм» (Пилинский 1976: 174).

Языково-поэтическая практика Тараса Шевченко – убедительное свидетельство тому, что влияние писателей на становление литературного языка особенно заметно в переломные периоды формирования национальной культуры и национального сознания – именно с ними *непосредственно коррелируют этапы становления и интенсивного развития национального языка* (Г. Винокур, В. Русановский, С. Ермоленко, Н. Пилинский, Л. Лисиченко, О. Муромцева). В украинской культуре показательна в этом смысле роль И. Котляревского (*Энеида*), И. Нечуя-Левицкого, Леси Украинки, а в Галиции – Ивана Франко. Эти писатели были творцами не только литературы, но и *языка, литературной нормы в ее новом временном и эстетическом измерении*. Нарушая традицию языкового употребления, они смело экспериментировали с введением в тексты разговорных слов и выражений, грамматических форм и т. п. Эти новации, став показателями «духа» национального языка того времени, обращали на себя внимание читателей и способствовали становлению нового понимания эстетической нормы. Для истории украинского языка, и поэтического, и литературного, знаковым с этой точки зрения является также творчество Г. Квитки-Основьяненко, П. Тичины, В. Сосюры, Б.-И. Антоныча, Мыколы Хвилевого, М. Рильского, А. Довженко, А. Малышко, Л. Костенко, Д. Павлычко, И. Драча, Н. Винграновского, Б. Олійника, О. Гончара. Этот список далеко не исчерпывающий, его дополняют имена авторов, чьи произведения «вернулись» к украинскому читателю и стали объектом изучения истории и стилистики украинского литературного языка в XX ст. (Юрий Клен, Михайль Семенко, В. Пидмогильный, Улас Самчук, Тодось Осьмачка, Е. Плужник, авторы Пражской поэтической школы и Нью-Йоркской группы). Для определения роли их языкотворчества в развитии литературного языка важное (если не главное) значение имеет определение признаков, характерных доминант индивидуальных стилей. В то же время синтезированное, объемное, целостное видение этих доминант дает представление об интенсивности реализации тех или иных стилевых течений в украинской литературе, об актуальности тем и мо-

тивов, детерминирующих употребление конкретных художественных приемов, несущих «языковой отпечаток» конкретной эпохи.

Безусловно, не все авторские новации входят в систему литературного языка, закрепляются в ней как норма художественного или литературного словоупотребления. Многие из них, выходя за рамки литературной нормы, остаются признаком индивидуального стиля или же временным маркером поэтического дискурса. Однако это не отрицает роли соответствующих авторов в становлении поэтического и – шире – литературного языка, например, роли поэтов, принадлежащих к различным временным периодам и к совершенно разным эстетическим платформам – Михайля Семенко и Игоря Калинца. Для их языкового творчества характерны многочисленные окказионализмы, например: *алегрити, безжурити безкрилля, вузьколобець, душопляма, експресити, еротити, життєдати, забожеволений, заплющочіграфія, крапкоплямка, ледарити, хміль-любіль, мертвопетлювати, молодокуц, обакацієний, обезженценний, осинеплямлений, пасікографія* и др. Подобная лексика имеет лишь перспективу быть зафиксированной в специализированных индексах авторских словоупотреблений. Оценивая такое словообразование с точки зрения нормы, Р. Будагов утверждал: «если подобное изобретение стоит в стороне от литературного языка [...], оно оказывается обычно бесплодным и преходящим, в случае же, если наблюдается приближение к руслу литературного языка, воздействие творчества писателя на литературный язык может быть сильным и разнообразным» (Будагов 1967: 64–65). В общем же интенсивность и эстетический характер словотворчества дают основания определить роль М. Семенко и И. Калинца как активных творцов украинского литературного языка XX века.

Описывая критерии, по которым можно определить степень приближенности индивидуальной языковой практики к литературному языку и литературной норме, Н. Пилинский утверждает: «Роль выдающегося писателя в развитии литературного языка [...] зависит, в частности, от общего уровня его обработанности на то время, когда писатель выступил со своими произведениями, от стойкости его норм и от значимости художественно-беллетристического стиля в сравнении с другими функционально-стилистическими разновидностями этого языка» (Пилинский 1976: 186). По-разному оцениваем, например, нормализационный потенциал языкотворчества Тараса Шевченко и Ивана Франко. Если идиолект Тараса

Шевченко действительно формирует у современного читателя представление о языковой норме его эпохи, а также в значительной мере о современной норме, то язык произведений И. Франко настолько заметно отклоняется от современного литературного, что с точки зрения современника усложняет проблему взаимоотношений литературного языка и языка художественной литературы. Влияние Ивана Франко на становление украинского литературного языка имеет иной характер, нежели влияние Тараса Шевченко. Это, однако, не отрицает ценности языковой практики писателя для истории литературного языка.

Для эволюционного развития украинского литературного языка знаковой является художественная практика Леси Украинки, М. Коцюбинского, М. Рильского. Это яркие представители того типа писателей, авторский язык которых развивается в пределах литературной нормы. Они могут *дополнять, расширять* эту норму, но в большинстве своем не нарушают ее, не идут вразрез с ее требованиями.

Иные творческие принципы отображает язык модернистов, футуристов, постмодернистов, которые стремились *формировать новое видение и понимание нормы* в ракурсе индивидуальных приоритетов, стилевого направления, течения, школы и т.п. (ср. широкое вовлечение диалектных средств – орфоэпических, лексических, грамматических – в произведениях Б. Лепкого, В. Стефанька). Также и писатели конца XX – начала XXI века по-другому воспринимают эстетику языка (прежде всего разговорных, просторечных, колоквиализированных единиц), нежели в начале века. Они своеобразно интерпретируют и переосмысливают фольклор по сравнению с писателями-романтиками или шестидесятниками, для которых опора на народное творчество была одной из базовых основ эстетической концепции языка.

Все изложенное подтверждает высказанную Р. Будаговым мысль о том, что влияние писателей на становление литературного языка и литературной нормы может быть различным. Условно его можно определить как *структурно-расширяющий* и *совершенствующий*. В первом случае писатели обращаются к окказиональному словообразованию, развивают поэтический словарь, актуализируют нетипичные синтаксические конструкции и т. п. Во втором случае они стремятся только к шлифованию, углублению уже достигнутого предшественниками, к совершенствованию имеющегося, оперируя теми средствами выражения, которые актуальны

для языка их времени. При этом «между «крайними точками» могут располагаться многочисленные «промежуточные разновидности», но от этого само противопоставление не теряет своей силы. Преобладание того или иного «типа» обусловлено исторически, [...] нельзя утверждать, что один из этих «типов» всегда оказывает на норму литературного языка более благотворное влияние, чем другой» (Будагов 1967: 48).

Таким образом, есть все основания утверждать, что *норма* является актуальным показателем для определения уровня скоррелированности *языка художественной литературы и литературного языка*. В этом отношении тоже существует четкая дифференциация: как литературный язык не отождествляется с языком художественной литературы, так же не тождественны понятия *литературная* и *поэтическая норма* (как норма художественного стиля). Ср.: «язык писателей (язык художественной литературы), хотя обычно и ориентируется на те же [литературные – Г. С.] нормы, включает в себе и много нового» (Будагов 1967: 19), а поэтому владеет достаточно широкими возможностями для активного влияния на ее становление.

Стилевую художественную норму, ее соотношение с литературной нормой следует рассматривать с учетом экстралингвальных (специфика времени, культурные, ценностные приоритеты социума), а также интралингвальных (нормы словоупотребления, уровень развития литературного языка и т. п.) факторов, с опорой на стилевые и идиолектные нормы. По поводу последних Г. Винокур отмечал: «в своих наиболее созидательных образцах индивидуальный язык писателя не только не противоречит естественному идеалу языковой нормы, но даже и больше того: обнаруживает свойства этой нормы наиболее совершенным способом» (Винокур 1991: 41). Связующим звеном во взаимодействии этих двух типов норм выступает важное с точки зрения фиксации в литературном языке и конкретизирующее относительно норм художественного стиля понятие *беллетристическая норма*. Обоснованное в работах В. Григорьева, оно постулирует, что «кроме нормы высказывания, идиостилевых норм поэтического языка (языка художественной литературы) и норм литературного языка существует также [...] общее для всего поэтического языка (языка художественной литературы) поле нейтральных «беллетристических» норм, особенно тесно связывающих литературный язык и язык художественной литературы» (Григорьев 1979: 86).

Соотношение уровня и типа представленности беллетристических норм в художественном стиле определенного периода и в идиостиле того или иного автора – существенный параметр характеристики творческого почерка писателя, своеобразный стилистический лакмус для оценивания корреляции индивидуальной и стилевой норм. Напомним, что «творчество любого современного нам поэта воспринимается не только на фоне действующих норм литературного языка, но и на фоне средних беллетристических норм поэтического языка определенного периода» (Григорьев 1979: 86). Убедительный пример – языкотворчество Нью-Йоркской группы, которое не сразу было воспринято в украинской западной диаспоре, в том числе из-за отказа от постулата «национально-органического стиля», в частности – от требования писать так, «чтобы содержание произведения эманировало национальный дух». Поэты сознательно избрали украинский язык средством креативного самовыражения, однако хотели писать в *свободном личном пространстве*, без давления догм, стремились разрушить стереотипы текстообразования, утвердить взгляд на украинскую литературу как национально специфическую, самотождественную и в то же время динамически обновляемую в контексте актуальных для 1950-х годов западных тенденций. Сегодня именно эти черты исследователи акцентируют как квалификативные, знаковые, позволяющие «вписать» поэтику ньюйоркцев в историю украинского поэтического и литературного языка.

Природа литературной нормы, которой присущи признаки динамической стабильности, детерминирована и внутреннеязыковыми, системными факторами развития языка, и внеязыковыми, влияющими на ее кодификацию. Поэтическая норма – тоже изменчива. Ее конкретно-исторический характер обусловлен способностью фиксировать определяющие языково-эстетические параметры актуальной культурной парадигмы, эстетической платформы, а также – реагировать на развитие языково-поэтического сознания в различных временных, пространственных и идиостилевых его проявлениях.

Характер изменчивости и/или стабильности поэтической нормы показательно иллюстрирует определяющая для стилистики художественного текста оппозиция *традиция – новаторство*. О временной изменчивости поэтической нормы свидетельствуют языковые актуализации это – и универсальных концептов *Украина, родина, земля, время, пространство*,

человек, аксиология оппозиций *свое – чужое, добро – зло, правда – неправда* и др. Исследуя их художественную генетику, семантическую, экспрессивно-оценочную динамику, делаем вывод об изменчивости канон лексико-семантической сочетаемости, механизмов тропообразования, способов текстообразования в общем контексте развития поэтического языка и в проекции на конкретный временной отрезок создания текста. Априори можно утверждать, что в конце XIX, в течение XX и в начале XXI века те же образы: а) моделируются по-другому, б) используются для выражения иной семантики, в) функционируют с иной оценочностью. Кроме того, в историко-языковых моделях, в индивидуальных языковых формулах-характеристиках объектов изображения, во фразах с культурно-историческими фрагментами знания вербализируются субъективные, личностные переживания авторов, которые тоже являются «продуктами» своего времени. Убедительными иллюстрациями этого тезиса являются, например, идеологические метафоры, в частности поэтические стереотипы и метафорические штампы типа *Батьківщина-мати, народи-брати, республіки-сестри*. Контексты с их участием имеют четкую «привязанность» к идеологии, также – ко времени создания поэзии. Со сменой социополитической и социокультурной ситуации они потеряли актуальность как текстообразовательные, смыслообразовательные (в аспекте поэтического текста) единицы и кардинально изменили аксиологическую нагрузку.

На изменчивость, динамичность художественной стилевой нормы влияют не только исторические и социальные, но и пространственно-географические факторы. Эти параметры мотивируют специфику актуализации единиц поэтического словаря, использование фоностилистических, словообразовательных, грамматических средств независимо от места, пространства создания поэзии. Этот аспект особенно актуален для дискурсов с диаспорным сегментом.

Подытожив изложенные выше тезисы о типологической и историко-генетической корреляции понятий *литературный язык – язык художественной литературы, литературная норма – поэтическая норма*, констатируем: законы развития *литературного и поэтического языка* не тождественны, но глубоко соотносительны. Потому комплексное изучение истории литературного языка не может не предусматривать изучения истории поэтического языка и поэтической нормы как единицы ее измерения. Определение временных, пространственных, идиостилевых па-

раметров поэтической нормы, описание типологических и исторических тенденций ее становления дает возможность продемонстрировать системные связи с литературной нормой, охарактеризовать общую картину развития национального художественного стиля.

Литература

- Будагов Р. А., 1967, *Литературные языки и языковые стили*, Москва.
Винокур Г. О. 1991, *О языке художественной литературы*, Москва.
Григорьев В. П., 1979, *Поэтика слова*, Москва.
Єрмоленко С. Я., 2007, *Мова і українознавчий світогляд*, Київ.
Єрмоленко С. Я., 2007а, *Мовно-естетичні знаки культури в історії літературної мови*. – Мовознавство, № 4–5.
Пилинський М. М., 1976, *Мовна норма і стиль*, Київ.
Русанівський В. М., 2002, *У слові – вічність (Мова творів Т.Г. Шевченка)*, Київ.

The artistic style in the history of the Ukrainian literary language

In the article, the role of the artistic style as one of the major components of the Ukrainian linguo-culture has been stressed. The writers' language-creative practice has been qualified as an important factor in the national literary language development and as a criterion of the literary norm formation. As for the latter, two major kinds of writers' impact are noted – structural-expanding and cutting, aimed at improvement. In this context, the concept of norm arises as an actual parameter to determine the level of correlation of both literary language and language of fiction.

Keywords: *Ukrainian literary language, artistic style, literary norm, poetic style (artistic) norm, tradition, innovation, writer's language practice.*